

ЦЕЛОСТНОСТЬ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВ В МИРЕ ПРОБЛЕМНОЙ СУВЕРЕННОСТИ*

Сергей Маркедонов

Игорь Окунев

МГИМО Университет,
Москва, Россия

STATE INTEGRITY AND SELF-DETERMINATION IN A WORLD OF PROBLEMATIC SOVEREIGNTY

Sergey Markedonov

Igor Okunev

MGIMO University,
Moscow, Russia

This article analyses the phenomenon of states with problematic sovereignty, which has arisen in recent decades, primarily in the former Yugoslavia and the USSR (but not only). The existing model of the world order, in which only UN member countries are recognised as participants in international relations, does not reflect a real picture of the world. At the beginning of the study, the authors examine theoretical approaches (A. Yannis, A. Tsutsiev, A. Sebentsov, V. Kolosov) to typologising entities with problematic sovereignty and territorial principles of national self-determination (i. e. the realisation of the right to self-determination) as well as re-conceptualising sovereignty approaches (J. Agnew and N. Dobronravin). Next, the authors describe how these topics are embedded in the logic of the developing crisis of relations between Russia and the West and lead to a diplomacy of double standards. It is especially emphasised that at different periods and depending on the political state of affairs, both sides in the present-day confrontation supported separatist projects and the preservation of territorial integrity and state unity. This results from contradictions in the system of international law, vague criteria for recognising newly formed independent states, and

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-05.

** *Citation*: Markedonov, S., Okunev, I. (2020). State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty // *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536.

Цитирование: Markedonov S., Okunev I. State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536 / Маркедонов С., Окунев И. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536.

attempts to use conflicts instrumentally to realise strategic interests. According to the authors, a way out of this impasse could be an agreement between the West and Russia on some general rules of the game, including clearer criteria for the recognition of new states, the legality/illegality of secession, and the preservation of territorial integrity, as well as possible procedures for transition to a new status. However, this is unlikely to happen without reaching a comprehensive compromise or *modus vivendi* between the main stakeholders. The result of the article is a demonstration on the theoretical and applied levels that in the modern system of international relations, the concept of “territoriality” has become more complicated as a basic characteristic of the state. It now requires new legal and diplomatic approaches to resolve the contradiction between the principles of territorial integrity and the right of nations to self-determination. These new approaches should be developed by the expert community in the course of an unbiased analysis of the contemporary architecture of international relations.

Keywords: sovereignty; territorial integrity; self-determination; unrecognised states; separatism; ethnopolitical conflicts.

Рассматривается феномен государств с проблемной суверенностью, которые возникли в последние десятилетия, в первую очередь на территории бывших Югославии и СССР (но не только). Существующая модель мирового порядка, в котором фактически участниками международных отношений признаются только страны – члены ООН, не отражает реально сложившуюся картину мира. В исследовании рассматриваются теоретические подходы к типологизации образований с проблемной суверенностью и территориальным принципам национального самоопределения, то есть реализации права на самоопределение (А. Яннис, А. Цуциев, А. Себенцов, В. Колосов), а также взгляды на реконцептуализацию суверенитета (Д. Энгью, Н. Добронравин). Дан анализ того, как данные сюжеты развиваются в логике нарастающей конфронтации между Россией и Западом и приводят к дипломатии двойных стандартов. Особо подчеркивается, что обе стороны сегодняшней конфронтации в разные периоды и в зависимости от соображений политической конъюнктуры поддерживали и сепаратистские проекты, и принципы сохранения территориальной целостности и государственного единства. Этому способствуют и противоречия в системе международного права, и размытые критерии признания вновь образовавшихся независимых государств, а также попытки инструментального использования конфликтов для реализации стратегических интересов ведущих мировых держав. Выходом из имеющейся тупиковой ситуации, по мнению авторов, могли бы быть договоренности между Западом и Россией о неких общих правилах игры, которые включали бы более четкие критерии правомерности/неправомерности сецессии и сохранения территориальной целостности, а также возможные процедуры перехода к новому статусу. Однако без достижения если не всеобъемлющего компромисса, то определенного *modus vivendi* между заинтересованными сторонами это маловероятно. Итогом работы является демонстрация на теоретическом и прикладном уровнях того факта, что в современной системе международных отношений произошло значительное усложнение поня-

тия «территориальность» как базовой характеристики государства. В этой связи оно требует новых правовых и дипломатических подходов к разрешению противоречий между принципами территориальной целостности и правом наций на самоопределение. Эти новые подходы должно выработать экспертное сообщество в ходе непредвзятого анализа актуальной архитектуры международных отношений.

Ключевые слова: суверенитет; территориальная целостность; самоопределение; сепаратизм; этнополитические конфликты.

Территориальность в современных международных отношениях

Современный мир характеризуется наличием двух противоречивых тенденций – глобализации и дезинтеграции. С одной стороны, в мире все быстрее снимаются барьеры и границы для товаров и услуг, с другой, в разных частях планеты усиливаются сепаратистские настроения в пользу новых политических границ – от Шотландии и Каталонии до Иракского Курдистана и Бугенвиля в Океании, что нередко сопровождается гражданскими и этнополитическими конфликтами. В результате этого явления в нашем мире параллельно с существующей системой суверенных государств сложилась целая «вторая лига» непризнанных или частично признанных образований (а также проблемных (failed) стран, не способных контролировать свою территорию [Yannis; Себенцов, Колосов]. Наиболее точным было бы, по всей вероятности, отнесение такой группы стран к категории государств с проблемным суверенитетом [Цуциев]. Все этой с особой остротой вновь ставит старый вопрос о соотношении принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение. Цель данной статьи – показать, что в современной системе международных отношений произошло усложнение понятия «территориальность» как базовой характеристики государства, которое требует новых правовых и дипломатических подходов к разрешению этого противоречия.

Нами разработана типология государств с проблемной суверенностью, позволяющая по-новому оценить территориальный фактор в процессах национально-государственного строительства, и обращено внимание на ограниченность существующих аналитических подходов к пониманию их роли в мировой политике. В нашем исследовании государства с проблемной суверенностью рассматриваются не только как участники этнополитических конфликтов, но и как устойчивые политические среды, обладающие собственной легитимностью и властными институтами, формирующие особую идентичность.

Статья представляет собой междисциплинарное исследование на стыке политической географии, регионоведения, этнополитологии и международных отношений. Эта фокусировка определяет теоретико-методологические рамки нашего исследования, основанного на синтезе различных парадигм. В рассмотрении борьбы за суверенитет (тракуемый как сохранение территориального единства

и, напротив, как сецессия, то есть достижение своей особой государственной суверенности) мы в самом общем виде опираемся на конструктивистскую традицию [Wendt; Kratochwil]. Нарботки постпозитивистской школы международных исследований показывают, что в современных мировых процессах размывается принцип акторности, а теория рационального выбора не в полной мере может объяснить поведение национальных элит [Васкез; Сох]. Весьма продуктивны выводы представителей теории «критической геополитики», противопоставляющих классическое стабильное понимание суверенитета новому, динамическому [Agnew].

В современной политологии и теории международных отношений доминирует старая «территориальная» парадигма мироустройства, предполагающая, что мир разделен на протяженные в пространстве объекты (в первую очередь национальные государства, но также империи (в прошлом), сферы влияния и т. д.) [Бусыгина, Окунев, с. 106]. Территория воспринимается как наиболее ценный ресурс государства, значение которого со временем сакрализуется [Себенцов, Колосов]. Этот тезис хорошо иллюстрируется российско-японскими переговорами, в которых обе стороны явно готовы идти навстречу, но найти взаимоприемлемое решение пока не удастся. Причина заключается главным образом в том, что в современной политике доминирует представление о «неделимости суверенитета», то есть о том, что территория может принадлежать либо целиком одному государству, либо целиком и полностью другому [Окунев, 2019]. На самом деле это положение ошибочно: в мировой истории есть множество примеров смешанного суверенитета, позволяющего реализовывать национальные интересы двух народов на одной и той же территории.

По всей видимости, мы живем в эпоху проблемной территориальности, то есть размывания устаревшего представления об архитектуре международных отношений, и становимся свидетелями формирования отдельного уровня мировой политики – сети небольших, но активных игроков, которые, с одной стороны, слабее суверенных государств в части внешнего признания своей государственности, но, с другой, существенно сильнее региональных автономий в части реализаций права проживающего на данной территории народа на самоопределение [Добронравин].

Для такой новой группы игроков на мировой арене дипломатическому и экспертному сообществу придется найти место в картине современных международных отношений.

Территория как признак государственности: государства с проблемной суверенностью

Различия между государствами на современной политической карте мира столь значительны, что порой даже кажется, что нельзя говорить об их видовом единстве (сравним, например, США, Южный Судан и Ватикан) [Jessop]. Поэтому попробуем выделить минималь-

ный набор признаков, объединяющих все страны мира. Часто в таком перечне можно встретить территорию, население, единые политическую и экономическую системы, международное признание, способность перераспределения общественных благ и обеспечения правопорядка и безопасности и пр. Одной из самых известных юридических попыток поставить точку в данном споре является Конвенция Монтевидео 1933 г. [Convention on Rights and Duties of States]. И хотя многие видные теоретики и практики международного права – такие, например, как член Комиссии ООН по международному праву Ян Браунли [Brownlie] и профессор Малькольм Шоу [Shaw], рассматривали принципы Конвенции Монтевидео как «существенные», но «не единственные и не непреложные», именно этим определением государства руководствовалась, например, Арбитражная комиссия по бывшей Югославии, названная также «комиссией Бадинтера» [Маркедонов, 2018].

Первым признаком Конвенции Монтевидео – *постоянным населением* – как это ни странно звучит, можно пренебречь. На самом деле государству не обязательно иметь собственное население, тем более постоянное. Это убедительно доказывают специфические страны-юрисдикции организаций (Ватикан, Мальтийский орден). Данные образования являются местом регистрации могущественных организаций (Римско-католическая церковь, Суверенный иерусалимский военно-монашеский орден госпитальеров им. св. Иоанна, Родоса и Мальты), созданными для того, чтобы они могли устанавливать собственные правила, не завися от других государств, на территории которых они находятся.

Второй признак является, по всей видимости, необходимым, если мы говорим о Вестфальской системе международных отношений, закрепившей именно за территориальными политическими системами исключительное *право участия в международных делах*. Однако этот признак требует уточнения. Государство не может менять территорию, переезжая с места на место, как люди, организации или даже города, оно произрастает из определенной территории и должно сохранять с этой территорией связь. Утрата даже части своей исконной территории приводит к кризису государственности, а ее полная потеря – к исчезновению государства, благодаря чему вопрос об исконных землях является одним из ключевых для процессов государственного строительства. Данный признак – принадлежность по происхождению к определенной территории – называется *автохтонностью*¹.

Третий и четвертый признаки Конвенции Монтевидео можно свести к понятию *суверенности*, которое и обозначает способность

¹ Автохтонность государства не стоит путать с автохтонностью народа. Племена и даже целые народы под воздействием различных причин часто меняли место жительства. В прошлые эпохи существовали и кочевые государства (Тюркский каганат VI в. или Монгольская империя XIII в.), но даже в них при перемещении центра управления государством и подвижности границ идея исконной территории сохранялась.

определенной власти устанавливать некие правила на определенной территории и для некоего населения (внутренний суверенитет), а также вступать в равноправные отношения с другими государствами (внешний суверенитет). Последнее не обязательно должно выражаться в дипломатическом признании, например, не признанный Россией Тайвань активно взаимодействует с РФ через Тайбэйско-Московскую координационную комиссию по экономическому и культурному сотрудничеству, де-факто исполняющую функции посольства.

По наличию автохтонности и суверенности государства можно разбить на отдельные типы. Суверенные, полноценные государства обладают автохтонностью, внутренним и внешним суверенитетом. Страны, у которых есть проблемы с внутренним суверенитетом, называются в научной литературе несостоявшимися [Brooks], а в случае, если они не обладают автохтонностью, они являются лишь правительствами в изгнании, которые только декларируют свой контроль за территориями. Государства, испытывающие проблемы с внешним суверенитетом, являются непризнанными, а в случае, если они также не обладают автохтонностью, повстанческими.

Традиционный подход к суверенности опирается на вестфальское понимание суверенитета, при котором мир состоит из суверенных государств, полностью контролирующих свою территорию. Несмотря на то, что, очевидно, такого никогда не было, последователи данного подхода продолжают считать полный суверенитет необходимым организующим принципом государства, естественным свойством политической власти. При таком подходе государственные образования понимаются как однородные системы, лишенные пространственных различий, олицетворяющие в своей политике некие единые внутренние тенденции и действующие в роли акторов мировой политики, сражающихся друг с другом за выживание.

При другом подходе, субъектном, государство следует считать не источником власти, а производным от процессов, имеющих место на территории данной страны, при которых власть и народ соединяются внешней и внутренней легитимностью и образуют единую гражданскую общность. Государства в этом случае становятся одними из субъектов международных отношений, в систему которых они встраиваются через свою внешнюю политику. Таким образом, второй подход позволяет нам увидеть новое измерение суверенности как дискурсивного пространственно обусловленного явления.

Право нации на самоопределение: территориальные основания

Традиционно выделяется два ведущих территориальных основания формирования государственности: формирование общей идентичности и маркирование ментальных границ сообщества через осознание угроз безопасности, или осознание общности «Мы» и актуализация общности «Другие» [Окунев, 2014]. Если формирование общей идентичности является внутренней основой формирования

государственности, то в качестве внешней выступает угроза безопасности, точнее, ее дискурс, формирующий образ «Других», на противопоставлении себя которым и возникает нация [Eriksen].

Исходя из описанных принципов должны формироваться исключительно гомогенные нации, основанные на понимании своей общности (в первую очередь территориальной) и инаковости по отношению к внешним силам. Между тем, в реальности трудно себе представить государство, которое не отличали бы гетерогенность и неравномерное развитие. В случае с США или Италией мы говорим о различиях между индустриальным Севером и аграрным Югом. В Германии или на Украине речь идет о дифференциации (политической, экономической, языковой или электоральной) по линии Запад – Восток. В случае же Франции или Англии фиксируются различия между более продвинутыми районами вокруг столичных мегаполисов и менее развитыми окраинными территориями. Эти линии размежевания могут затрагивать как социально-экономическую сферу, так и межконфессиональные отношения, электоральное поведение.

В логике двух механизмов государственного строительства периферия, развивая свою локальную идентичность и противопоставляя себя центру, будет стремиться к обособлению (вплоть до отделения). В ряде случаев так и произошло – от Нидерландов, приняв католицизм, отделились фламандцы, Чехия, начавшая радикальные рыночные преобразования, разошлась со Словакией, настроенной на постепенные структурные реформы. Если мысленно продлить действие двух приведенных механизмов до бесконечности, то процесс дробления политической карты мира и расщепления наций будет идти непрерывно, чего, тем не менее, в таком масштабе не наблюдается.

Наличие в каждой стране стойких антагонистических центр-периферических отношений наводит на мысль о возможности третьего механизма государственного строительства. Согласно критической теории внутреннего «Другого», процесс межрегиональной дифференциации внутри государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией является механизмом, позволяющим выявлять территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам, и, соответственно, поддержания государственности. С точки зрения К. Джонсона и А. Коулман, «указание центром на экономически и культурно более слабый регион объединяет оставшуюся часть этого государства за счет создания мифа, демонстрирующего величие национальных идеалов и опасность уклонения от них» [Джонсон, Коулман].

Именно теория внутреннего «Другого» объясняет, почему большинство территорий с проблемной суверенностью сложилось в результате распада Югославии и Советского Союза [Geldenhuis]. Внутри этих образований существовали необходимые для строительства политической нации линии оппозиции – сербов с албанцами или хорватами, грузин с абхазами и осетинами, армян с азербайджанцами

и т. д. В рамках больших образований они сглаживались более сильными общими центристскими силами, однако при падении центральной власти обострились и привели к появлению множества очагов напряжения. Первая волна такого национального строительства пришлась на начало 1990-х гг., вторая разразилась в 2008–2014 гг. в ходе углубления противоречий между Россией и Западом.

Россия и Запад: ситуативный выбор принципов территориальной целостности

Украинский политический кризис, отягощенный изменением статуса Крыма и вооруженным противостоянием в Донбассе, вызвал к жизни самое глубокое противостояние между Россией и Западом (США и Европейским союзом) за весь период после окончания холодной войны. Между тем, нельзя не заметить, что и до этой конфронтации отношения между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Брюсселем, с другой, существовали и ранее. Более того, они становились наиболее острыми и ожесточенными в те периоды, когда в фокусе дискуссий и споров оказывались проблемы национального самоопределения и территориальной целостности. Так было с Косово («косовский прецедент») и Чечней в 1998–1999 гг. и с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., с референдумом в Крыму и различной интерпретацией его итогов в 2014 г. При этом позиции России и Запада по вопросу о выборе наилучшего способа разрешения того или иного этнополитического кризиса никогда не отличались универсальностью и следованием каким-то одним критериям. США и их союзники всячески поддерживали и продвигали одностороннее провозглашение независимости бывшего автономного края Сербии Косово, но осуждали унилатерализм российской стороны, которая пошла на признание независимости бывших автономий в составе Грузинской ССР и присоединение автономной Республики Крым и Севастополя к РФ.

По схожему алгоритму во многом действовала и Москва. В ноябре 1999 г. Б. Н. Ельцин на саммите ОБСЕ в Стамбуле обращал свой пафос на так называемых «объективных критиков» России и осуждал внешнюю поддержку чеченской сецессии [Стамбульский саммит ОБСЕ]. В январе 2006 г. В. В. Путин заявлял о возможности применения прецедента самоопределения Косова для абхазов и южных осетин [Стенограмма пресс-конференции президента России Владимира Путина]. Через два с половиной года после этого независимость двух бывших автономий Грузинской ССР была признана РФ.

Категорически не приемля односторонних действий косовских албанцев и не признавая независимость бывшего автономного края Сербии, Москва, тем не менее, регулярно апеллирует к прецеденту на Балканах [Обращение Президента Российской Федерации], который Запад рассматривает как «уникальный случай».

Таким образом, Вашингтон, Брюссель и Москва поочередно бывали и сторонниками сецессии и «ревизионизма», и защитниками

статус-кво и территориальной целостности против сепаратистских устремлений. И Запад, и Россия обвиняют друг друга в использовании так называемых двойных стандартов. Но в действительности каждая из сторон заботится не столько о соблюдении неких идеальных правил, сколько решает конкретный политический «пазл» для продвижения своих интересов, попутно заботясь о его последующей легитимации. Принципы международного права используются по большей части ситуативно.

В итоге мы получаем две параллельные не пересекающиеся политико-правовые реальности. В одной существуют независимые государства Абхазия, Южная Осетия, Косово (хотя количество их признаний и несопоставимо), осуществляющие дипломатическое общение с теми, кто официально поддержал их самоопределение, а в другой есть «оккупированные» и «отторгнутые» территории (что автоматически низводит национальные движения за сецессию до положения «марионеток» крупных игроков). Есть два субъекта РФ, «воссоединившиеся» с Родиной и пришедшие в «родную гавань», а есть территория независимой Украины, подвергшаяся «аннексии» соседней страны, проводящей «имперскую политику». На фоне растущего недоверия сторон друг к другу и нежелания искать компромиссы никто не даст гарантию того, где и как будет использован инструмент поддержки или, напротив, сдерживания сецессии. При том, что и на Балканах, и на постсоветском пространстве сегодня есть немало точек, в которых принцип территориальной целостности сталкивается с борьбой за самоопределение.

Сецессия и нерушимость границ: сдержки и противовесы

75-летие конференций в Ялте и Потсдаме в 2020 г., а также 45-летие подписания Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе стали поводом для широкой дискуссии об эффективности нынешней системы миропорядка. Но вопрос о нерушимости границ и состоятельности многосоставных государств является одним из краеугольных камней любой системы международных отношений.

В этом контексте нельзя не отметить, что массовое появление в начале 1990-х гг. непризнанных образований на территории распавшихся государств – Советского Союза и Югославии (своеобразный «мировой рекорд», по словам британского эксперта Томаса де Ваала [Де Ваал]) – явилось в первую очередь последствием системного кризиса ялтинско-потсдамского мироустройства, которое базировалось на противоречии между зафиксированными во всех основополагающих декларациях и пактах ООН принципами территориальной целостности и нерушимости послевоенных границ, с одной стороны, и правом на самоопределение – с другой.

В результате оба полюса международной системы *volens nolens* способствовали укреплению этнического сепаратизма, используя его в различных обстоятельствах как инструмент для реализации своих внешнеполитических целей.

После того как была завершена Первая мировая война (когда были реализованы «14 пунктов Вудро Вильсона» и политическая программа большевиков по «самоопределению вплоть до отделения»), не было такого количества организованных по этническому принципу стран, как после завершения холодной войны. По справедливому замечанию болгарского политолога Ивана Крастева, «Европа любит думать о себе как о стабильном континенте, но в действительности здесь за два десятилетия начиная с 1989 года было создано и разрушено больше государств, чем в любом регионе мира в любое время. Даже чем в Африке в период деколонизации 1960-х годов. 15 новых государств появились на месте СССР, 7 – на месте бывшей Югославии, и 2 – на месте Чехословакии. Вдобавок к этому 4 “непризнанные республики” и еще другие, кто хотел бы пойти по их пути» [Крастев].

С момента приобретения независимости новые суверенные государства на просторах бывшего Советского Союза и Югославии осуществляли явную или скрытую конвертацию принципа территориальной целостности в принцип права наций на самоопределение [Токарев]. Но, обретя это право, многие из них уже в своем новом качестве и новых границах тут же заявили о своем «единстве и неделимости», зачастую без должного учета позиций автономных образований в их составе. Подобная смена вех привела к этнополитическим конфликтам, перешедшим в некоторых регионах (особенно в Закавказье и на Балканах) в «горячую фазу» [Маркедонов, 2006].

Расплывчатые контуры мироустройства. Поиск единых правил

После существенной ревизии ялтинско-потсдамского мироустройства контуры нового миропорядка оказались весьма расплывчаты. Следовательно, размыты и критерии признания/непризнания как таковые [Маркедонов, 2018]. Отсюда и использование не столько правовых стандартов, сколько политической целесообразности в процессе признания. Более того, Международный суд ООН оказался не в состоянии обеспечить четкие указания в отношении последствий успешной практики сецессии в своем консультативном заключении по поводу законности Декларации о независимости Косово. Его основным правовым аргументом стал тезис о том, что «международное право в целом не содержит какого-либо применимого запрещения деклараций независимости» [Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo].

Но именно в соответствии с данной логикой лидеры других этнонациональных движений и де-факто образований стали выстраивать обоснования для своего признания [Решение МС ООН по Косово усилит позиции Абхазии]. На руку им играет имеющаяся правовая неопределенность в сочетании с односторонними действиями западных стран в случае с Косово. Модель, при которой максималистские планки во взаимоотношениях с «материнским образованием»

(отделение как самоцель) получают солидную внешнюю поддержку, показала на примере отдельно взятого автономного края слишком большую эффективность, чтобы ее могли не увидеть или проигнорировать другие игроки.

И апелляции к прецеденту и практическому опыту Косово, постоянно используемые Москвой, возникают всякий раз неспроста. Как правило, сторонники «уникальности» косовского самоопределения апеллируют к тому, что, в отличие от кейсов Абхазии, Южной Осетии или Крыма, оно было реализовано под международным контролем и наблюдением. Между тем, признавая обоснованность приводимой аргументации, необходимо иметь в виду, что в данном случае речь идет не только и не столько об ооновском формате, но и о военном вмешательстве блока НАТО, о политическом давлении США и их союзников по ЕС на руководство Сербии. И смягчение позиций Белграда (вплоть до де-факто признания нынешнего состояния) – результат не принятия неких правовых решений, а сложившихся внешнеполитических реалий [Harzl]. Впрочем, и «косовский прецедент» стал следствием того, что процессы распада Югославии и Советского Союза в значительной степени проходили не в соответствии с правовыми установлениями, а в политической сфере.

Российские действия в Крыму были восприняты в США и ЕС как опасное проявление «ревизионизма» [Toal]. Однако нельзя не увидеть в действиях Москвы в период после 2014 г. во многом схожие алгоритмы, апробированные ранее Вашингтоном и Брюсселем на Балканах и в Закавказье. Но если для США эти регионы, по оценке Ю. Румера, Р. Сокольски и П. Стронски, имеют значение, но не жизненно важны, то для России (имеющей 70 % инфраструктуры своего Черноморского флота в Крыму) ситуация на Украине (да и в любой другой постсоветской стране) – важнейший приоритет внешней политики и безопасности [Rumer, Sokolsky, Stronski].

По справедливому замечанию политолога-международника Ф. А. Лукьянова, модель отношений России и Запада, развивавшаяся после 1991 г. (но сформированная еще в период перестройки), исчерпала себя. В этой модели Москва, несмотря на все свои несогласия с теми или иными шагами США и ЕС, пыталась не выходить за рамки западного внешнеполитического дискурса [Лукьянов]. Даже в августе 2008 г. во время «пятидневной войны» в Закавказье отношения не пришли к многолетним санкциям и отказу от партнерства по проблемам европейской безопасности [Никитин]. Однако это не заставило Запад рассматривать Россию в качестве равноправного партнера. Предельно идеологизированный взгляд на российские интересы, ставка на «новые демократии», декларировавшие свою приверженность прозападному выбору, способствовали нарастанию двусторонних проблем, которые не были открыты украинским кризисом. События в Киеве, Крыму и на Донбассе в 2014 г. лишь ускорили реакцию, начатую более ранними противоречиями по Кавказу и Балканам.

Выходом из этой тупиковой ситуации могли бы быть договоренности между Западом и Россией о неких общих правилах игры, которые включали бы более четкие критерии признания новых государств, правомерности/неправомерности сецессии, сохранения территориальной целостности, а также возможные процедуры перехода к новому статусу. Однако без достижения если не всеобъемлющего компромисса, то определенного *modus vivendi* между заинтересованными сторонами это маловероятно.

И все же если на дипломатическом уровне движение к компромиссам и выработке общего политико-правового языка пока кажется маловероятным, на экспертном такая дискуссия должна идти. Невозможно воспринимать мир согласно логике противоречивого международного права, видящего государствами фактически только членов ООН, невозможно анализировать международные процессы так, будто в реальности не существует, как минимум, более десяти образований, успешно поддерживающих свою внутреннюю стабильность, но не имеющих признания извне. Соответственно, нужен новый подход к территориальному принципу структуры международных отношений, к акторам мировой политической арены и базовым международно-правовым принципам, позволяющим разрешить дилемму между территориальной целостностью и правом народа на самоопределение.

Список литературы

Бусыгина И. М., Окунев И. Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или Что и как объясняет геополитика // Полис. Полит. исслед. 2014. № 2. С. 106–123.

Васкес Дж. А. Постпозитивистское течение: реконструирование научного подхода и теории международных отношений в эпоху критики классического рационализма // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса, С. Смита. М.: Гардарики, 2002. С. 226–250.

Де Ваал Т. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // Вестн. Европы. 2002. № 7–8. С. 35–38.

Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. 2012. № 2. С. 107–125.

Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2011. 56 с.

Крастев И. Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке: интервью с И. Крастевым: [интервью брал С. М. Маркедонов] // Caucasus Times: [сайт]. 9 дек. 2010. URL: <http://caucasustimes.com/ru/ivan-krastev-o-rossijskih-strahah-i-ev/> (дата обращения: 25.02.2020).

Лукьянов Ф. А. Апология недосказанности // Рос. газ.: [сайт]. 2014. 23 дек. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/23/lukianov.html> (дата обращения: 25.02.2020).

Маркедонов С. М. Земля и воля // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 30–40.

Маркедонов С. М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестн. РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11). С. 25–40. DOI 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40.

Никитин А. И. Международное вмешательство в современные конфликты. Миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ. Москва, июнь 2017: докл. междунар. дискус. клуба «Валдай». С. 18–20 // Валдай: [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/16442> (дата обращения: 25.02.2020).

Обращение Президента Российской Федерации от 18.03.2014 г. // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 25.02.2020).

Окунев И. Ю. Межрегиональная дифференциация как основа формирования российской государственности // *Полития*. 2014. № 2. С. 70–83.

Окунев И. Ю. Было бы желание : Десять способов решения неразрешимого территориального спора // *Россия в глобальной политике*. 2019. № 2. С. 136–154.

Решение МС ООН по Косово усилит позиции Абхазии, заявил премьер страны // *РИА Новости* : [сайт]. 2010. 23 июля. URL: <http://ria.ru/politics/20100723/257739398.html> (дата обращения: 25.02.2020).

Себенцов А. Б., Колосов В. А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // *Полис. Полит. исслед.* 2012. № 2. С. 31–46.

Стамбульский саммит ОБСЕ. Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина 18 ноября 1999 года // *МИД России* : [сайт]. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/2b52bc67d48fb95643257e4500435ef7/30d93b83134c77aac3256886004d1ff5 (дата обращения: 25.02.2020).

Стенограмма пресс-конференции президента России Владимира Путина для российских и иностранных журналистов. 31 января 2006 года // *Президент России* : [сайт]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/01/31/1310_type63380type63381tyre82634_100848.shtml (дата обращения: 25.02.2020).

Токарев А. А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991–2014 годах. М. : МГИМО Ун-т, 2015. 310 с.

Цуцнев А. А. Территории проблемного суверенитета // *Научные тетради Института Восточной Европы*. Вып. 1. Непризнанные государства. М. : Территория будущего, 2006. С. 15–30.

Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo // *International Court of Justice* : [website]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/16010.pdf> (accessed: 25.02.2020).

Agnew J. *Geopolitics: Re-visioning World Politics*. 2nd Ed. L. : Routledge, 2003. 168 p.

Brooks R. E. Failed States, or the State as Failure? // *Univ. of Chicago Law Rev.* Vol. 72. 2005. № 4. P. 1159–1196.

Brownlie I. *Principles of Public International Law*. 5th Ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. 792 p.

Convention on Rights and Duties of States (inter-American). Dec. 26, 1933 // *Yale Law School. Lillian Goldman Law Library* : [website]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (accessed: 25.02.2020).

Cox R. W. On Thinking about Future World Order // *Theory of International Relations*. Vol. 3. Approaches to International Relations: Constructivism / ed. by S. Chan, C. Moore. L. : Thousand Oaks : N. Delhi : Sage Publ., 2006. P. 20–38.

Eriksen T. H. We and Us: Two Modes of Group Identification // *J. of Peace Research*. Vol. 32. 1995. № 4. P. 427–436. DOI 10.1177/0022343395032004004.

Geldenhuis D. *Contested States in World Politics*. L. : Palgrave Macmillan, 2009. 295 p.

Harzl B. Nationalism and Politics of the Past: The Cases of Kosovo and Abkhazia // *Rev. of Central and East European Law*. 2011. № 36 (2). P. 53–77. DOI 10.1163/092598811X12960354394722.

Jessop B. *The State. Past, Present and Future*. Cambridge : Polity, 2016. 303 p.

Kratochwil F. V. *Rules, Norms, and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1989. 317 p.

Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. *U.S. Policy toward the South Caucasus: Take Three*. Washington : Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2017. 44 p.

Shaw M. N. *International Law*. 4th Ed. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1997. 939 p.

Toal G. *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 387 p.

Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *Am. Political Science Rev.* Vol. 88. 1994. № 2. P. 384–396. DOI 10.2307/2944711.

Yannis A. Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics // *Europ. J. of Intern. Law*. 2002. № 13 (5). P. 13–35. DOI 10.1093/ejil/13.5.1037.

References

Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. (N. d.). In *International Court of Justice* [website]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/16010.pdf> (accessed: 25.02.2020).

Agnew, J. (2003). *Geopolitics: Re-Visioning World Politics*. 2nd Ed. L., Routledge. 168 p.

Brooks, R. E. (2005). Failed States, or the State as Failure? In *Univ. of Chicago Law Rev.* Vol. 72. No. 4, pp. 1159–1196.

Brownlie, I. (1998). *Principles of Public International Law*. 5th Ed. Oxford, Oxford Univ. Press. 792 p.

Busygina, I. M., Okunev, I. Yu. (2014). Prostranstvennoe raspredelenie sily i strategii gosudarstv, ili Chto i kak ob'yasnyayet geopolitika [Spatial Distribution of Power and Strategies of States, or What and How Geopolitics Explains]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 106–123.

Convention on Rights and Duties of States (Inter-American). December 26. (1933). In *Yale Law School. Lillian Goldman Law Library* [website]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (accessed: 25.02.2020).

Cox, R. W. (2006). On Thinking about Future World Order. In Chan, S., Moore, C. (Eds.). *Theory of International Relations*. Vol. 3. Approaches to International Relations: Constructivism. L., Thousand Oaks, N. Delhi, Sage Publ., pp. 20–38.

De Waal, T. (2002). Ugrozy bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze [Security Threats in the South Caucasus]. In *Vestnik Evropy*. No. 7–8, pp. 35–38.

Dobronravyn, N. A. (2011). *Nepriznannye gosudarstva v "seroi zone" mirovoi politiki: osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii* [Unrecognised States in the "Grey Zone" of Global Politics: Grounds of Survival and Rules for Acquiring Sovereignty]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 56 p.

Eriksen, T. H. (1995). We and Us: Two Modes of Group Identification. In *J. of Peace Research*. Vol. 32. No. 4, pp. 427–436. DOI 10.1177/0022343395032004004.

Goldenhuys, D. (2009). *Contested States in World Politics*. L., Palgrave Macmillan. 295 p.

Harzl, B. (2011). Nationalism and Politics of the Past: The Cases of Kosovo and Abkhazia. In *Rev. of Central and East European Law*. No. 36 (2), pp. 53–77. DOI 10.1163/092598811X12960354394722.

Jessop, B. (2016). *The State. Past, Present and Future*. Cambridge, Polity. 303 p.

Johnson, K., Coleman, A. (2012). Vnutrennii "Drugoi": dialekticheskie vzaimosvyazi mezhdru konstruirovaniem regional'nykh i natsional'nykh identichnostei [The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity]. In *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. Vol. 1. No. 2, pp. 107–125.

Krastev, I. (2010). Ivan Krastev o rossiiskikh strakhakh i evropeiskom poryadke [Ivan Krastev on Russian Fears and European Order] / interview by S. M. Markedonov. In *Caucasus Times* [website]. 9 Dec. URL: <http://caucasustimes.com/ru/ivan-krastev-o-rossijskih-strahah-i-ev/> (accessed: 25.02.2020).

Kratochwil, F. V. (1989). *Rules, Norms, and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. 317 p.

Luk'yanov, F. A. (2014). Apologiya nedoskazannosti [The Apologia of Understatement]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 23 Dec. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/23/lukianov.html> (accessed: 25.02.2020).

Markedonov, S. M. (2006). Zemlya i volya [Land and Will]. In *Rossiya v global'noi politike*. No. 1, pp. 30–40.

Markedonov, S. M. (2018). De-facto gosudarstva: politicheskii fenomen postsvetskogo prostranstva [De-Facto States: A Political Phenomenon of Post-Soviet Space]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otosheniya*. No. 1 (11), pp. 25–40. DOI 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40.

Nikitin, A. I. (2017). Mezhdunarodnoe vmeshatel'stvo v sovremennye konflikty. Mirotvorcheskaya politika OON, OBSE, ES, NATO i ODKB [International Intervention in Modern Conflicts. The UN, OSCE, EU, NATO, and CSTO Peacekeeping Policy]. Moscow, June 2017. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai", pp. 18–20. In *Valdai* [website]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/16442> (accessed: 25.02.2020).

Obrashchenie prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Address of the President of the Russian Federation]. (2014). In *Prezident Rossii* [website]. 18 March. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed: 25.02.2020).

Okunev, I. Yu. (2014). Mezhhregional'naya differentsiatsiya kak osnova formirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti [Interregional Differentiation as a Basis for Russian Statehood]. In *Politiya*. No. 2, pp. 70–83.

Okunev, I. Yu. (2019). Bylo by zhelanie. Desyat' sposobov resheniya nerazreshimogo territorial'nogo spora [When There Is a Will, There Is a Way. Ten Ways of Settling an Insoluble Territorial Dispute]. In *Rossiya v global'noi politike*. No. 2, pp. 136–154.

Reshenie MS OON po Kosovo usilit pozitsii Abkhazii, zayavil prem'er strany [The International Court of Justice's Decision Will Strengthen the Abkhazian Position, States the Prime Minister of the Country]. (2010). In *RIA Novosti* [website]. 23 July. URL: <http://ria.ru/politics/20100723/257739398.html> (accessed: 25.02.2020).

Rumer, E., Sokolsky, R., Stronski, P. (2017). *U.S. Policy toward the South Caucasus: Take Three*. Washington, Carnegie Endowment for Intern. Peace. 44 p.

Sebentsov, A. B., Kolosov, V. A. (2012). Fenomen nekontroliruemyykh territorii v sovremennom mire [The Phenomenon of Uncontrolled Territories in the Contemporary World]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 31–46.

Shaw, M. N. (1997). *International Law*. 4th Ed. N. Y., Cambridge Univ. Press. 939 p.

Stambul'skii summit OBSE. Vystyplenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii B. N. El'tsina [The OSCE Summit in Istanbul. Speech of President of the Russian Federation B. N. Yeltsin]. (1999). In *MID Rossii*. 18 Nov. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/2b52bc67d48fb95643257e4500435ef7/30d93b83134c77aac3256886004d1ff5 (accessed: 25.02.2020).

Stenogramma press-konferentsii prezidenta Rossii Vladimira Putina dlya rossiiskikh i inostrannykh zhurnalistov [The Verbatim of Russian President Vladimir Putin's Press Conference for Russian and Foreign Journalists]. (2006). In *Prezident Rossii* [website]. January 31. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/01/31/1310_type63380type63381type82634_100848.shtml (accessed: 25.02.2020).

Toal, G. (2017). *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford, Oxford Univ. Press. 387 p.

Tsutsiev, A. A. (2006). Territorii problemnogo suvereniteta [Territories of Problematic Sovereignty]. In *Nauchne tetradi Instituta Vostochnoi Evropy*. Iss. 1. Nepriznannyye gosudarstva. Moscow, Territoriya budushchego, pp. 15–30.

Tokarev, A. A. (2015). *Vliyanie gosudarstvennosti na evolutsiyu politicheskikh rezhimov Gruzii i Ukrainy v 1991–2014 godakh* [The Influence of Statehood on the Evolution of Political Regimes in Georgia and Ukraine between 1991 and 2014]. Moscow, MGIMO Universitet. 310 p.

Vasquez, J. A. (2002). Postpozitivistskoe technenie: rekonstruirovaniye nauchnogo podkhoda i teorii mezhdunarodnykh otnoshenii v epokhu kritiki klassicheskogo ratsionalizma [The Post-Positivist Debate: Reconstructing Scientific Enquiry and International Relations Theory after Enlightenment's Fall]. In Booth, K., Smith, S. (Eds.). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii na rubezhe stoletii*. Moscow, Gardariki, pp. 226–250.

Wendt, A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. In *Am. Political Science Rev.* Vol. 88. No. 2, pp. 384–396. DOI 10.2307/2944711.

Yannis, A. (2002). Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics. In *European J. of Intern. Law*. No. 13 (5), pp. 13–35. DOI 10.1093/ejil/13.5.1037.

The article was submitted on 02.12.2019